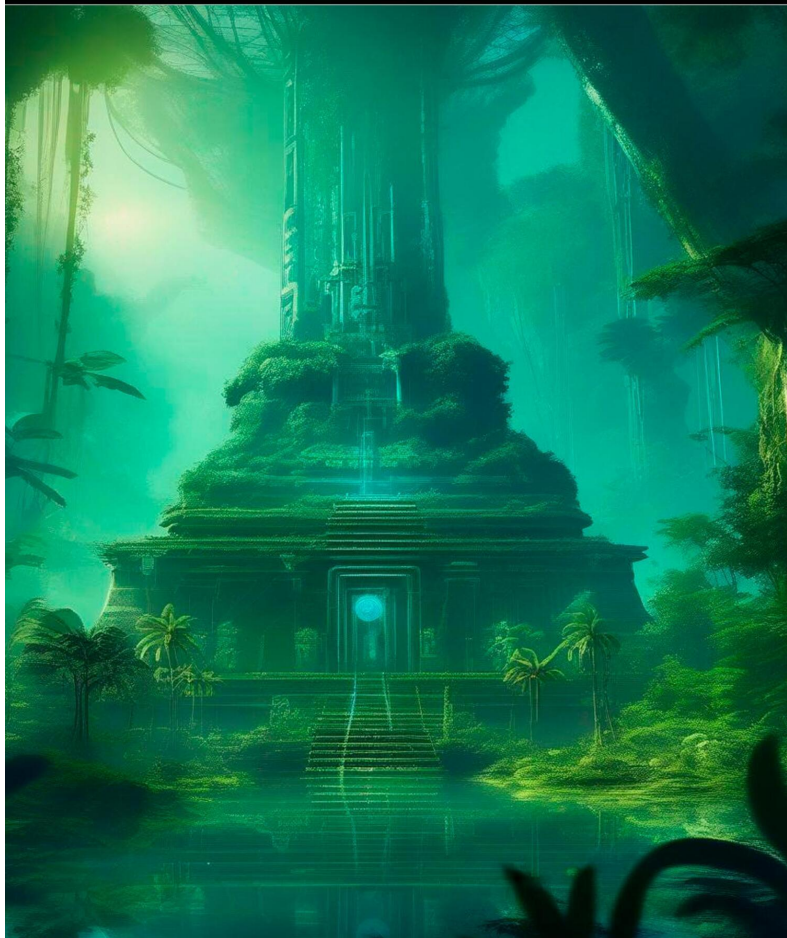

Анна Урсова

Культовое сооружение

Анна Урсова

Культовое Сооружение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70295335

SelfPub; 2024

Аннотация

Много лет в джунглях небольшой планетки, населённой не очень развитыми аборигенами, стоит древний Храм. Аборигены тщательно охраняют все входы и выходы в него, не впуская внутрь ни одно разумное существо. И правильно делают, ибо хранящееся внутри знание может разрушить налаженную жизнь племени...

Анна Урсова

Культовое Сооружение

Джунгли Радоэль цвели бурно и даже яростно. Борс знал: так всегда бывает в тот краткий период между окончанием сезона ливней, когда даже местные змеи забираются в раскидистые кроны деревьев, и началом сезона иссушающей жары, когда влага испаряется с земли так быстро, что нижний ярус джунглей кажется затянутым густым туманом. Через пару дней сезон «цветения» начнётся и у тех немногих животных и насекомых, которые ухитрились как-то приспособиться к сумасшедшей местной погоде. По статистике последнего столетия большинство туристов погибало именно в этот период: растоптанные огромными неповоротливыми муарами, ставшие пищей для личинок вувры, они все прибывали на Радоэль с одной единственной целью – увидеть древний таинственный Храм, подходы к которому в иное время бдительно охраняли местные жители, длинные и чешуйчатые. Разумеется, туристы могли бы прибывать и чуть пораньше, примерно в тот же день, в который и Борс... Но правительство системы, в которую входила Радоэль, относилось к верованиям собственных граждан с уважением. Излишним уважением, по мнению Борса. Потому все корабли кроме, тех, что имели позывные Научной Лиги, могли приблизиться к Радоэль только и исключительно после того, как вувры –

слизни размером с быка – обзаведутся роскошными синими рожками.

К счастью, корабль Борса нужные позывные имел. Авантюрист совершенно не представлял, каким образом заказчик ухитрился добыть столь ценную и редкую информацию, и очень об этом жалел. Постоянный доступ к базе актуальных позывных Лиги открыл бы ему доступ к стольким запретным мирам... Борс даже позволил себе помечтать о том, как это было бы: никаких тебе больше пеших марш-бросков по непроходимым джунглям, влажным и жарким, полным непривычных и мерзких запахов и звуков. Никаких больше болтающихся за спиной неподъёмных рюкзаков, тащить за собой которые приходится потому, что наличие позывного Лиги не спасает от встречи с «коллегами», и корабль приходится оставлять не там, где удобно, а там, где незаметно. Никаких больше... Борс махнул рукой, заодно стряхивая мелкое существо, не имеющее ни одной ноги, целых восемь крыльев и, кажется, два жала. К счастью, неведомая тварь не успела укусить его – на продвинутый имплант, очищающий кровь ото всех потенциально опасных соединений, заказчик не расщедрился, так что следовало избегать непредвиденных ситуаций. Тот странный моавец, лаконично потребовавший «принести ему всё, что найдётся в центральной камере храма», уверял, конечно, что внёс в программу импланта все соединения, с которыми можно было столкнуться на Радэль... Но доверять на все сто разумному растению, бодро

шлёпающему по полу бледно-зелёными ложноножками? Помилуйте, он ещё не совсем лишился рассудка.

На то, чтобы дойти от подножия скального массива, у которого остался спрятан корабль (моавец предлагал другое место, и Борс даже с ним согласился, для вида, конечно), до главного входа Храма, Борсу понадобилось целых четыре стандартных часа. И запыхался он до такой степени, что даже идеально гладкие стены, возносящиеся к прозрачно-голубому небу и словно вырастающие прямо из сочной зелени, не вызвали ни удивления, ни восхищения. Только усталое: « Дошёл, наконец».

Прежде чем начать вскрывать двери Храма, Борс по-походному подкрепился: подключил к импланту пакет с растворёнными питательными веществами и уселся на рюкзак, стараясь отключиться от неприятного ощущения бегущей по венам раскалённой жидкости. Он вспоминал последние инструкции моавца, записанные на видео и переданные в систему связи корабля только за два часа до высадки на Радэль.

– Подойдёшь к Храму вплотную – приложишь то, что я дал тебе, к правому краю стены, – вещало растение, подрагивая бледно-жёлтыми головными листьями. – Дверь откроется ненадолго, так что не мешкай. И посмей только не забрать с собой устройство – с его помощью стражи легко вычислят, кто проник в Храм. И имей виду: если у меня будут проблемы, тебя я сдам, не задумываясь.

На этом моменте Борс хмыкнул: можно подумать, он ожидал чего-то иного. Даже нормальный человеческий или, например, кошачий заказчик скостили бы себе срок, сдав исполнителя. Чего в таком случае ожидать от растения?

Потом моавец долго вещал о ловчих ямах, развеянном в воздухе органическом яде, уничтожающем главную составляющую человеческого ДНК, и прочих милых ловушках, оставленных неведомыми строителями Храма, но эту часть Борс пропустил мимо ушей. Ну скажите на милость, как местные безруко-безногие аборигены, вынужденные мигрировать, когда джунгли становятся слишком опасными, смогли бы создать настолько убийственное вещество? Да ещё и настроить его строго на людей? Вот именно, никак. А что до слухов о ловушках и прочем, так этого добра всегда хватает. Взять хотя бы землян, живших когда-то в районе экватора, на месте самой южной точки нынешнего Сума: чтобы отогнать древних авантюристов, распустили слух о том, что их пирамиды построили инопланетяне! И это в двадцать первом веке, когда человечество о космосе знало примерно столько же, сколько микробы о луже, в которой живут. Уму непостижимо! И ведь верили!

Пока Борс размышлял о моавцах и землянах, жар в его теле утих. Можно было двигаться дальше. Цельная закрытая коробочка, почему-то обтянутая чёрной змеиной кожей, наглухо прилипла к поверхности, стоило только поднести её к стене. И тут же матовый чёрный камень, похожий на зем-

ной мрамор, вспыхнул изнутри, став похожим на тлеющие угли. И часть стены со страшным скрипом двинулась вверх, открывая узкий тёмный коридор, протиснуться которым мог бы только худой и невысокий человек – точно такой, каким был Борс. К счастью, кусок стены с коробочкой остался на месте. Так что Борс встал в проходе, затем сорвал устройство с камня и резко прыгнул вперёд, в непроглядную тьму Храма. Стоило ему приземлиться, как позади раздался грохот – дверь закрылась, не оставив ни единой щели для света или воздуха.

– Не кажется ли тебе, мой друг, что тот моавец слишком много знал об этом Храме?

Обычно Борс не страдал разговорами с самим собой. Но сейчас, в кромешной темноте и давящей тишине, вынужденный первым идти туда, куда в иных обстоятельствах первым пошло бы искусственное существо, оснащённое кучей анализаторов и записывающих устройств... Он отчаянно нуждался в чём-то знакомом и безопасном, хотя бы в звуке собственного голоса. Для закрепления результата он ещё и проехался по службам стражей, которые тщательно следили за любыми проявлениями несвойственного живой природе излучения. Так что приходилось действовать по старинке: входить без предварительного изучения, светить древними фонариками... Хорошо хоть фон имплантов надёжно терялся за собственными электрическим и тепловым излучением человеческого тела, иначе совсем тяжко пришлось бы.

Увесистый фонарик уже был надёжно закреплён над лбом авантюриста. Но, не успел Борс нажать на кнопку включения, как неподалёку от него показалось приглушённое свечение, явно принадлежащее какому-то длинному и узкому объекту. Несколько мгновений свечение оставалось на месте, затем невероятно быстро заскользило вперёд, к Борсу, ещё в движении приподнимая верхнюю часть. В точности, как это сделала бы атакующая змея. Или абориген Радозль, по мнению Борса, отличающийся от земной змеи исключительно статусом гражданина системы Кетц.

Борс успел только сунуть коробочку за пазуху, понимая, что если её найдут, то в подготовленную историю в стиле «шёл по джунглям, гляжу – дверь» не поверит даже последний идиот.

– Коричневый пушистоголовый... Что ты забыл в Священном Храме? – переговорное устройство, превращающее шипение в нормальный галатик и обратно, сработало с секундным опозданием. Но точно скопировало тембр шипения змея.

Абориген замер буквально в двух шагах от Борса, покачиваясь и посвистывая. Теперь было понятно, что в темноте светятся две длинные бесцветные полосы, начинающиеся сразу за головой и оканчивающиеся, кажется, не доходя до кончика хвоста. Точнее сказать, как и определить размер змея, было сложно – нижняя часть аборигена лежала плотными кольцами. Впрочем, судя по тому, что его голова на-

ходила с вровень с головой Борса, а кольцо на полу было не одно, абориген мог бы поспорить длиной с половиной древних анаконов.

Змей замер, ожидая ответа, а Борс внезапно передумал трястись и плакать, жалуясь на совершенно одинаковые джунгли, собственный географический кретинизм и такую уютную и гостеприимную пещеру, совсем не похожую на какой-то Храм. Потому что законы аборигенов Радоэль совершенно точно запрещали входить в Храм всем. Даже жрецам этого самого Храма. И если сам Борс сейчас нарушал всего лишь законы, принятые парламентом системы Кетц, то змей нагло посягал на законы, освящённые временем и какими-нибудь богами.

– А ты, чешуйчатый? Ваши законы запрещают входить в Храм всем без исключения существам.

В глубине души Борс надеялся, что проклятый змеёныш немедленно устыдится своего проступка и уползёт туда же, откуда и приполз. Но, кажется, местный нарушитель был сделан в точности из того же теста, что и Борс.

– Умный пушистоголовый. Убить бы, да кровь может разбудить стражей. А стану душить – закричишь, и всё равно стражи проснутся. – Змей снова принялся раскачиваться, принимая решение. – Ладно, живи. И имей в виду: пойдёшь за мной, и я всё-таки рискну пробудить стражей.

Змей одним движением развернулся и скользнул вглубь Храма, всего через несколько секунд скрывшись с глаз Бор-

са.

Авантюрист в сердцах выругался: вариант выйти из Храма и вернуться попозже предусмотрен не был. Более того, заказчик вообще запретил возвращаться через главный вход, снабдив Борса ещё одним устройством, которое должно было вывести его из центральной камеры к какой-то вентиляционной шахте, открывающейся только изнутри.

Хорошенько поразмыслив, авантюрист вернулся ко входу и решительно прислонил коробочку примерно к тому же месту, к которому и в прошлый раз. Что бы там ни думал себе моавец, погибать от клыков варварской змеи Борс не собирался.

Устройство прицепилось к камню также легко, как и в прошлый раз. Но дальше дело не пошло: сколько бы Борс ни тыкал коробочку, сколько бы ни отрывал её и ни прижимал к стене снова, ничего не происходило. Моавец явно подозревал, что его посланник может нарушить инструкции, и принял меры.

Борсу очень хотелось швырнуть бесполезную коробочку на пол и всласть потоптаться на ней. Но авантюристы, привыкшие совершать необратимые поступки, долго в галактике не выживали. Так что Борс снова аккуратно убрал коробочку за пазуху и устало сел на пол, не снимая с плеч рюкзака.

Поразмыслить ему не дали. Борс ещё даже не успел перестать мысленно крыть моавца самыми оскорбительными из

известных ему выражений галактика, как в коридоре снова показалось приглушённое свечение, и узкая голова аборигена взметнулась перед его лицом.

– Пойдёшь со мной, пушистоголовый. Одному там не пройти.

Борс подозрительно посмотрел на змея: то, что змей убьёт его сразу же, как только ловушки останутся позади, было вполне понятно. Но не сможет ли он убить чёртову рептилию первым? Это следовало обдумать, и Борс решил потянуть время:

– В чём моя выгода? Ты же всё равно заберёшь себе всё, что мы найдём в центральной камере.

– Останешься здесь – умрёшь от голода и жажды. Или убьют стражи. Умрёшь как добыча. Пойдёшь со мной – сразимся с тобой за добычу, как подобает. Хотя бы умрёшь как положено хищнику. – Змей сделал несколько плавных движений вперёд-назад. – Быть может, я даже не стану драться с тобой, и мы поделим добычу поровну.

Борс с трудом удержался от того, чтобы высказать змею всё, что думает о его идиотской устаревшей варварской идеологии.

– Допустим, звучит интересно. Но кто такие эти стражи, которых ты так боишься? Не сотрудники галактической стражи ведь?

– Нет. Но я не знаю, кто они. – Змей несколько раз втянул и вытянул язык. – Они просыпаются, когда чуют кровь.

Или крик. Но их можно обойти или обмануть. Обмануть – легче, но нужно идти вдвоём. И нужны эти твои неудобные отростки. Так что, ты согласен?

С большим трудом Борс понял, что «неудобными отростками» змей называет его руки и пальцы. И быстро кивнул, не давая себе времени передумать. В конце концов, чтобы сразиться за добычу, змею, лишённому «неудобных отростков», ещё нужно было добраться до неё. А ему самому совсем не повредит спутник, знающий о Храме что-то полезное.

Они шли долго. Борс пару раз пытался заговорить, но его неожиданный спутник пресекал попытки коротким свистом. Он даже выключил фонарик землянина, без спроса стукнув по нему хвостом – так что дорогу авантюристам освещали лишь светящиеся полосы на шкуре змея.

Один раз сделали привал. Абориген старательно слизал что-то со своей «шеи», Борс дал импланту команду пустить в кровь очередную порцию питательных веществ. Когда землянин встал, демонстрируя спутнику готовность идти дальше, змей тихо-тихо зашипел, чуть ли не засунув морду в ухо Борса.

– Скоро будет комната. Старейшины говорят, что там живёт страж безумия. Давно, когда Храм ещё не был столь священен, некоторые из героев миновали его, не выходя из тени. Я не знаю, что это значит, но держи язык высунутым.

Змей заскользил вперёд, а Борс прошёл целых десять шагов с высунутым изо рта языком, прежде чем понял, что его

переводчик буквально озвучил выражение змейского языка, означающее что-то вроде «держать ушки на макушке».

К обещанной змеем комнате они подошли спустя полтора стандартных часа. Борс назвал бы это залом: множество колонн цвета старой кости, уходящих в теряющийся в полумраке потолок, были покрыты тонкой резьбой, бессмысленной с первого взгляда. Со второго, впрочем, тоже. И с третьего. В дальнем конце зала виднелась тёмная арка, возможно, проход в следующую комнату. Целых несколько минут Борс разглядывал ближайшую колонну, надеясь, что в резьбе зашифрована информация про стража безумия, но так ничего и не понял. Отдельные узоры казались смутно знакомыми, но при каких обстоятельствах он видел их раньше?

– Ну и где твой страж безумия? – Борс был уверен, что зал пуст, но всё равно старался говорить тихо. Оно, конечно, нормальных доказательств существования всякой чертовщины так и не обнаружено, но этот зал с костяными колоннами определённо внушал какой-то иррациональный ужас.

– Старейшины говорят, что он появляется, если не держаться в тени.

Борс хмыкнул: с его точки зрения зал был равномерно освещён льющим откуда-то сверху тёмно-красным светом, зловеще отражающимся у оснований колонн. Никакой хорошо заметной тени он не видел, но кто знает, как именно устроено зрение аборигенов?

– Ты видишь здесь тень?

– Нет?

Борс хмыкнул. До тех пор, пока змей не решил найти ловушку самым простым и очевидным способом, отправив его вперёд, следовало попытаться найти хоть какую-то закономерность.

Пошарив в карманах, он вытащил так разочаровавшее его устройство, и с размаху швырнул его подальше, в центр комнаты. И тут же зал залило ярким, режущим глаза, красным светом. И откуда-то из-под потолка послышались рваные звуки, мучающие привыкшие к тишине уши точно так же, как яркий свет мучал привыкшие к полумраку глаза. Над лежащей коробочкой начало сгущаться полупрозрачное облако, принимающее форму какого-то неизвестного галактической науке существа, и Борс резко отпрыгнул назад, в безопасный сумрак коридора. А вот змей почему-то застыл на месте, словно загипнотизированный. Борс уже хотел оставить его на месте или вообще подтолкнуть вперёд, к свету, звуку и призраку, но вовремя сообразил, что если бы не предупреждение о страже безумия, на месте коробочки сейчас был бы он. И, вцепившись обеими руками в хвост змея, изо всех сил потянул его на себя.

Весил абориген немало. Борс был твёрдо уверен, что не сможет оттащить его дальше, чем на полметра, но, кажется, змею нужен был лишь толчок: почувствовав движение, он извернулся и молнией ринулся обратно в коридор.

– И как это можно пройти? Я чуть было не сошёл с ума, даже стоя на пороге комнаты. Что будет, если я войду туда?

– Ели будем держаться теневой стороны, то, видимо, ничего. – Борс поёжился. – Там у левой стены есть тонкая полосо, на которую не упал яркий свет, когда это всё началось. И та тварь в центре туда не смотрела. Соберись как следует, и попробуем там пробежать. В ваших преданиях совсем ничего не говорится о том, что это за дрянь?

– Страж безумия. – Змей свернулся, приобретя идеальное сходство с толстым водяным шлангом, затем вновь вытянулся на идеально гладком полу. – Идём, землянин.

Пока авантюристы совещались, призрачное существо в зале исчезло, забрав с собой и жуткие звуки, и ослепительный свет. Только чёрная коробочка одиноко лежала возле колонны, и Борс был готов поспорить с кем угодно, что бросил её совершенно в другое место.

Коридор, ведущий к следующей комнате, был намного светлее и короче предыдущего. Кое-где здесь встречались даже лужи маслянистой поблескивающей жидкости. Змей, так и не назвавший своё имя, провёл языком над одной из лужиц и отпрянул, зашипев: переводчик шепнул Борсу, что, по словам змея, скопившееся в лужах могло быть чем угодно, но только не привычной водой Радоэль.

– Здесь живёт страж-убийца. – Змей затормозил перед очередной огромной комнатой, освещённой обычным белым светом, и Борс мысленно рассмеялся: головная чешуя его

вынужденного напарника оказалась нежно-сиреновой, а тело – ярко-ярко синим, словно рожки вувры в период размножения. – Видишь на дальней стене семь отверстий?

– Угу. – Отверстия действительно были хорошо видны от входа: семь небольших вмятин на идеально гладкой золотистой стене, расположенных примерно в метре от пола. Неудобно, но не смертельно.

– Первым в комнату заходишь ты. И бежишь к ним. Бежишь так быстро, как только можешь, потому что стражубийца появится в тот же момент, как только кто-то из нас коснётся пола. Как коснёшься отверстий – он исчезнет. Тогда я проползу к следующей двери и открою её. Когда она открыта – страж пропадает.

Борс замер. Что помешает рептилии уползти дальше, оставив его в этом зале? Весьма разумное решение: драться не придётся, делиться добычей – тоже, ещё и безопасный отход себе обеспечить.

– Сейчас, отдышусь только. – Борс согнулся, старательно имитируя приступ удушья. – Много нам ещё таких камер? Я, знаешь ли, хоть и не старей для землянина, но и не настолько молод.

– Ещё одна. – Змей несколько раз вытянул и втянул язык. – Там тоже опасно, но не так, как здесь.

Борс мысленно усмехнулся: кажется, змеёныш намеревается убить его с помощью того, что спрятано в третьей комнате. Что ж, разумный план.

Судя по первой комнате, безопаснее всего было бы бежать вдоль стены – там как раз имелся коридорчик из более тёмного коричневого камня, чем тот, которым была устлана большая часть пола. Но Борс был уверен на все сто процентов: неведомый создатель Храма не был столь глуп, чтобы сделать и здесь некий «островок» безопасности. А значит, тёмная линия – ловушка, и наступать на неё не следует ни в коем случае. Так что, приготовившись, он одним махом перескочил ловушку, и ринулся к заветным отверстиям, придерживая левой рукой болтающийся за спиной рюкзак. В иных условиях он бы, конечно, оставил рюкзак напарнику... Но доверять этому змеёнышу? Помилуйте, он ещё не сошёл с ума.

За спиной тяжело топало что-то большое и громкое – Борс прекрасно слышал тяжёлое дыхание и лязганье то ли лезвий, то ли доспехов, но оборачиваться не собирался. И даже не думал о том, что же за металлическое чудовище гонится за ним, и какие силы вызвали его из небытия в совершенно пустую комнату. Он видел перед собой только семь неглубоких вмятин и заранее готовился вытянуть руки, чтобы коснуться спасительной стены, не пересекая линии.

Ему удалось. Едва пальцы ощутили гладкий холодный камень, как тяжёлое дыхание и лязганье пропали, словно бы их и не было. Боковым зрением Борс увидел, как мимо него проскользило длинное змеиное тело, головой протаранившее хлипкую даже на вид серебристую дверь.

В один ужасный момент змей полностью скрылся в третьей комнате, и дверь качнулась, собираясь закрыться. Но не успел Борс проклясть собственную глупость, как хвост напарника придержал её в открытом положении.

Третья комната была невелика. По сравнению с предыдущими гигантскими залами, так и вообще мала. И больше всего напоминала бассейн. Борс и змей стояли на высоком и широком бортике, опоясывающем глубокую бледно-голубую чашу, заполненную до середины неаппетитной бурой грязью, из которой то и дело выплёскивались мерзкие, явно живые, отростки. Присмотревшись, Борс с ужасом заметил, что у некоторых из них есть мелкие, но вполне различимые глаза.

– По бортику не пройти. Эти будут мешать. – Змей указал кончиком хвоста на очередной отросток. – Легенды говорят, что они очень сильны и ещё никогда не упускали свою добычу. Ни один змей не смог избежать их щупалец.

– И как тогда?

Борс напрягся, ожидая подвоха, но, увы, не успел. Толстое и тяжёлое тело ударило его в ноги и с лёгкостью снесло с бортика, заставив окунуться с головой в жидкую грязь.

Кажется, змей ему даже что-то ответил, но микрофон переводчика забился грязью и не уловил ни одного звука. В полном отчаянии Борс, чувствующий, как его открытые кисти что-то пощипывает, наблюдал за тем, как скользкий ублюдок грациозно проскользил по бортику, толкнул голо-

вой следующую дверь и исчез за ней.

Несколько минут ничего не происходило. Затем пощипывание прекратилось, и грязь загустела, выталкивая Борса наверх. Не в силах поверить своему счастью, он выбрался на бортик и тщательно ощупал себя: и кожа, и одежда, и волосы, и даже рюкзак – всё было целым. Видимо, живущая в бассейне тварь жрала только аборигенов. И, что самое главное, он сразу оказался на нужном бортике, перед странной дверью, похожей вблизи на тонкую серебристую бумагу.

Прежде чем открыть дверь, Борс скинул с плеч рюкзак и вытащил из него ухватистый нож кукри – страшное оружие древних земных дикарей. Стоило бы ещё намотать что-то на свободную руку, но, к сожалению, одежды, которую можно было бы подставить под клыки змеёныша, у него не было. Быстрый впрыск стимуляторов и противоядий, и Борс распахнул дверь, готовый сразу кинуться на врага.

Здесь было также пусто, как и во второй комнате. Почти весь пол оказался выложен ребристым красным камнем, лишь возле двери оставалась квадратная белая площадка, да вдоль стен тянулась широкая тёмно-коричневая линия. У дальней двери, для разнообразия, оранжевой, площадки не было. Змей, очевидно, почувствовавший подвох, замер на площадке и быстро-быстро пробовал языком воздух.

Борс кинулся на него сразу, надеясь решить дело одним ударом, но недооценил природную скорость рептилии. Змей одним движением ушёл в сторону и кинулся в атаку, подобно

земной кобре. Он был невероятно быстр и, если бы не убойная доза стимуляторов, Борс не смог бы уйти от удара. Но он смог и даже слегка задел спину врага, содрав несколько рядов синих чешуек. Несколько из них отлетели на красную плитку и тут же задымились, оплавляясь на глазах.

Борс сменил тактику. Долго состязаться со змеем в скорости и силе он всё равно не смог бы, оставалось только хитрость. И землянин начал расчётливо отступать, не забывая, впрочем, отмахиваться от атак змея и делать вид, что пытается контратаковать. Это было чертовски трудно и опасно, к тому же, змей тоже увидел, что случилось с его чешуёй, и ликовал, тесня врага к огненным плитам.

Наконец Борс оказался на самом краю. Стоило ему сделать ещё одно движение назад, и он бы неминуемо попал на огненную плиту. Разумеется, змей заметил это и бросился вперёд, стремясь протаранить землянина вытянутой сиреновой головой.

И пролетел мимо развернувшегося Борса, лишь немного зацепив его краем блестящего синего бока. Змей шлёпнулся на огненные плиты почти всем телом, и тут же забился в агонии, зашипел и засвистел, заживо поджариваясь на раскалённом полу неведомого Храма.

Впрочем, землянину тоже досталось. Он не собирался давать змею себя задеть, но недооценил скорость врага, не смог устоять на ногах и, чтобы не упасть, был вынужден оттолкнуться от пола голой рукой. Этих нескольких секунд крас-

ному камню хватило, чтобы обжечь ладонь, оставив вместо розовой кожи волдыри и пятна омертвевшей ткани.

Борс устало опустился на площадку и прикрыл глаза, давая лекарствам время сделать свою работу. К счастью, комплекс противоожоговых средств входил в стандартное наполнение импланта. Иначе, пожалуй, моавец бы отказался и от него.

Когда рука боль в руке стала приемлемой, Борс открыл глаза и с лёгким отвращением принялся осматривать зал. В правой части огненных плит дымилась змеиная туша, наполняя помещение удушливой вонью. В том, как он горел, было что-то странное, и Борс заставил себя присмотреться повнимательнее: край хвоста, лежавший на дорожке из коричневого камня, не только не дымился, но даже и не выглядел жареным! Очевидно, создатели этого безумного места предусмотрели для себя быструю и удобную дорожку!

С трудов поднявшись, Борс закинул на плечи рюкзак и медленно, внимательно глядя под ноги, поплёлся к двери. Кажется, моавец говорил, что центральную камеру ведёт дверь очень странного цвета, нигде больше в Храме не встречающегося. Если хотя бы эти сведения были верны, то эта дверь имела все шансы оказаться той самой, охраняющей доступ к центральной камере и всем её сокровищам.

Войдя в очередную комнату, Борс не поверил своим глазам: всё пространство представляло из себя один огромный экран, разделённый на четыре части. В самой крайней

правой странные существа, похожие на огромный живот на двух синих ножках, кружились вокруг колонн в подобии старинного танца. Призрачная штука, которую Борс принял за стража безумия, покачивалась на одном месте, задавая танцующим ритм. На экране левее такой же синеногий живот увлечённо бегал по залу, уворачиваясь от огромного металлического слоно-носорога, очень похожего на увешанного доспехами и оружием муара Радоэль.

Борс чертыхнулся: он начинал понимать. Но, чтобы убедиться, решил досмотреть до конца.

На третьем экране синеногий барахтался в грязевом бассейне и с хлюпаньем затягивал в себя сиреневоголовых синих змей, явных предшественников нынешних хозяев Радоэль. Ну а на четвёртом – выплёвывал наловленное на красные плиты и с аппетитом пожирал поджаренную добычу. Впрочем, и аппетит и пожирание были домыслами Борха – так-то синеног просто затягивал змей обратно в себя, хлюпая при этом ещё громче и чаще.

Кадры на экране принялись прокручиваться заново, а Борх согнулся в припадке неконтролируемого смеха. Подумать только: всё это время чёртовы змеи трясутся над парком аттракционов предыдущих хозяев планеты. Парком, одним из развлечений в котором были ловля и пожирание их предков!

Отсмеявшись, Борс вытащил из рюкзака записывающее устройство и принялся устанавливать его перед экранами.

Моавец ни за что не поверит, что ему придётся отвалить столько денег за поджаренного змея и прогулку авантюриста по древнему парку аттракционов. Потому он, Борс, снимет как можно больше этих повторяющихся кадров. А пока камера работает – нормально отдохнёт, поспит и поест. В конце концов, ему ещё предстоит найти тот самый выход к древней вентиляционной шахте.